

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (365)
DOI 10.17223/19988613/45/6

Д.М. Камари

ЭМИГРАЦИЯ ФОКЕЙЦЕВ НА ЗАПАД

Рассматривается вопрос о «второй эмиграции» фокейцев в Западное Средиземноморье (Корсика, Франция и Испания) после захвата персидским полководцем Гарпагом их родного города в 546 г. до н.э. Особое внимание уделяется демографическому и этническому вопросам переселения, так как до сих пор наши знания о численности фокейцев на Западе остаются очень поверхностными. Опираясь на сведения Геродота и современные методики подсчета населения полиса, можно получить данные о приблизительном количестве людей, переселившихся в Алалию и Массалию, а также выяснить, какие народы вместе с фокейцами эмигрировали в Западное Средиземноморье и сколько людей после морского сражения при Алалии перебралось в Италию. Очень часто эти данные оставались незамеченными по причине недостаточно углубленного изучения источников либо из-за недоверия к сведениям, информаторам или источникам Геродота.

Ключевые слова: фокейцы; Массалия; Алалия; Западное Средиземноморье; карийцы.

В 600 г. до н.э. жители маленького малоазийского городка Фокея (рядом с современным турецким городом Фоча) во главе с Протисом и Симосом отправились в Западное Средиземноморье и основали там Массалию (Марсель). Об основании этой колонии сообщают нам Аристотель и Трог-Юстин. По сведениям последнего, причиной первого переселения фокейцев на землю лигуров и галлов была нехватка земли:

“*Namque Phocaenses exiguitate ac macie terrae coacti studiosius mare quam terras exercuere: piscando mercandoque, plerumque etiam latrocinio maris, quod illis temporibus gloriae habebatur, uitam tolerabant. Itaque in ultimam Oceani oram procedereausi in sinum Gallicum ostio Rhodani amnis deuenere, cuius loci amoenitate capti, reuersi domum referentes quae uiderant, plures sollicitauere*”.

«[В свое время] из-за нехватки земли и ее неплодородия фокейцы были вынуждены искать себе средств для существования больше на море, чем на суше, и проводили жизнь в занятиях рыболовством, торговлей, а также очень нередко и пиратством, занятием, которое в те времена считалось приносящим славу. Поэтому-то фокейцы и осмелились доплыть до крайних берегов Океана и достигли Галльского залива у устья реки Родана. Прельщенные красотой этого места, они, возвращаясь домой, рассказали о том, что видели, и многих склонили [к переселению]». (Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского.)

Хотя следует отметить, что, по данным Аристотеля, фокейцы прибыли туда по торговым делам (Athen. 576a,b). Более того, фокейцы уже ранее поддерживали отношения с этрусками. До основания Массалии они заключили договор с царем Тарквинием (Ius. XLIII, 3, 4). Все это говорит о том, что переселение фокейцев оказалось не спонтанным, а заранее хорошо запланированным мероприятием. Основались же они там благодаря гостеприимству местного царя лигуров

Нанна и его дочери Петты, которая из многих приглашенных выбрала Протиса своим избранником, после чего царь Нанн предоставил грекам участок земли (Ius. XLIII, 3, 5). В результате этих событий грекам удалось создать крупную ионийскую общину в Западном Средиземноморье.

Однако в середине VI в. до н.э. ситуация в Малой Азии меняется. Появилась новая сила в лице персов, которым удалось захватить Мидию и ряд других близлежащих стран и областей. Тогда персы решили пойти войной на лидийцев, давнего врага мидийцев. За короткий срок они одолели лидийцев, и вскоре Лидия оказалась в руках захватчиков. В 546 г. до н.э. персы задумали захватить и ионийские города, которые поддерживали лидийцев. Гарпаг во главе персидских войск захватил Фокею после того, как местные жители, взяв свои вещи, покинули город и отплыли по направлению на Хиос. О событиях тех времен рассказывает нам Геродот. По его сведениям, практически все жители оставили родной город, что уже указывает на грандиозный масштаб этого события. Геродот, Фукидид, Павсаний и другие сообщают о том, что фокейцы направились на Запад. Причиной тому было нежелание хиосцев продавать им Энусские острова. Они боялись, что из-за фокейцев их родной остров может лишиться торговых преимуществ. Передвижения такого масштаба из одной точки Средиземного моря до другой случались крайне редко. Как это могло повлиять на Средиземноморье и в частности на фокейские колонии в Западном Средиземноморье?

Большой интерес к теме подсчета населения, где за основу берутся данные античных авторов, появляется только в начале второй половины XX в. после выхода статьи К. Робака об экономическом развитии Ионии. Однако не все исследователи были готовы взяться за эту непростую тему прежде всего по причине скудности и неточности предоставляемой источниками ин-

формации. Тем не менее вслед за работой Робака последовали и другие. Мы упомянем лишь тех исследователей, которые занимались непосредственно фокейцами. Уже к концу 50-х гг. XX в. вышло исследование Кука, в котором затрагивался вопрос о численности жителей Фокеи в битве при Ладе в 494 г. до н.э. Через несколько лет после этого вышла работа В. Иоханновского, где приводятся расчеты количества населения Алалии в период фокейского владения городом [1. Р. 225–246]. Далее тему переселения фокейцев на Запад затрагивали такие известные европейские археологи, как Ж. Жеассэ, Ж.-П. Морель, М. Грас, А. Домингес Монедеро.

Интерес к этой теме не случаен. Показатели демографического роста или спада населения, а также динамика этого процесса могли бы дать неоценимую информацию о размерах и темпах эмиграции. Начнем с того, что Фокея была небольшим полисом (около 50 га). При таких размерах город никак не мог разместить в своих пределах большое количество людей. Жители города преимущественно занимались мореплаванием и пиратством. И даже переселившись на Запад, они предпочли заниматься мореплаванием вместо земледелия, хотя владели областью, обсаженной оливковыми деревьями и виноградниками (Strabo. IV, I, 5). По сравнению с другими городами приблизительно того же размера Фокея занимала средние позиции. Возьмем в качестве примера Смирну. Дж. Кук, который вел раскопки в Малой Азии, считал, что в Смирне находилось около или немного более 1 000 домов [2. Р. 22] при общей площади около 30 га. Часть этих зданий были нежилыми, поэтому внутри города жили около 5–8 тыс. чел. Смирна не была торговым городом. Ничего не известно и о колониях этого города. Иначе обстоят дела, когда речь заходит о Самосе. Имея общую площадь в 103 га, город мог разместить, по самым скромным подсчетам, более 40 тыс. чел. Иными словами, Фокея более чем в два раза уступала Самосу. Источником притока людей в Фокею могла быть работорговля, но и здесь, как отмечает Страбон, поимка рабов производилась легко, а рынок был настолько большой, что можно было в один день продать и принять несколько десятков тысяч рабов (Strabo. XIV, V, 2). Однако ни античные источники, ни данные археологических раскопок не указывают количество людей, эмигрировавших в Западное Средиземноморье. Тем не менее прежде всего второе переселение отличалось от первого своими масштабами. Так, по данным Геродота, почти половина граждан города Фокеи отправилась на остров Кирн. Сколько их могло быть? Для того чтобы выяснить, сколько людей эмигрировало из Фокеи во время похода Гарпага, необходимо прежде всего подсчитать количество населения в городе и его окрестностях. За основу возьмем методику подсчета населения, разработанную Х.М. Хансенном. По его данным, в греческом полисе на каждый гектар приходилось от 150 до 250 жителей, т.е. предположительно в каждом доме жили в

среднем от 5 до 8 чел. Фокея была торговым городом, а значит, более густонаселенным, поэтому мы возьмем за основу максимальное число человек на гектар. Следовательно, необходимо просто умножить количество общей площади города в гектарах на 250. При этом общую площадь города нужно разделить на два, поскольку жилая территория составляла 1/2, и к этому суммировать число жителей окрестности [3. Р. 61]. В итоге получается следующее:

Фокея = 25 (50 га. : 2) × 250 = 6,250 (жители города) + 12,500 (жители окрестностей = 2х жители города) = 18,750.

Результат подсчета показывает не точное, а приблизительное количество людей города. По всей видимости, вместимость города и окрестностей была значительно больше. Теперь попробуем подсчитать число граждан, отправившихся на остров Кирн. Геродот нам предоставляет уникальную информацию о численности фокейских и этрусско-карфагенских кораблей в битве при Алалии в 540 г. до н.э. Произошло же это по вине фокейцев, которые нападали на этрусские и карфагенские торговые корабли. И та и другая стороны имели по 60 кораблей. Численность фокейцев перед сражением могла составить (если исходить из того, что в каждой пентеконтере могли разместиться около 50–55 чел.) от 3 000 до 3 300 чел. Однако в данном конкретном случае имеет значение каждая деталь.

Так, испанский археолог А. Домингес Монедеро, изучив количество оказавшихся фокейцев в Алалии, считает, что основываться на данных Геродота – очень ненадежный способ получения достоверной информации [4. Р. 376]. По его подсчетам (по методу К. Робака) [5. Р. 9–16], если у фокейцев было 60 кораблей (трирем), то общее число отправившихся людей на битву при Алалии равнялось бы 12 000 чел. (т.е. 1/4 часть населения). Это означает, по его мнению, что в Алалию эмигрировали порядка 48 000 чел., что является маловероятным. Также А. Домингес Монедеро исключает вариант передвижения фокейцев на пентеконтерах. Однако в тексте Геродота очень четко говорится о том, что фокейцы отплыли из родного города на пентеконтерах. Поэтому, вероятнее всего, именно на 50 весельных судах греки отправились в Элею. Несмотря на это, испанский археолог убежден, что около 5–7 тыс. чел. после битвы при Алалии отправилось основывать Элею [4. Р. 375]. Он основывается на данных, полученных В. Иоханновским [1. Р. 225–246]. В связи с этим вновь обратимся к Геродоту, который сообщает о том, что «во время приготовлений к отплытию на Кирн больше половины граждан охватила мучительная тоска по родному городу и насиженным местам» (Hdt. I, 165). Тогда они нарушили клятву и отплыли назад в Фокею, а все остальные, «кто остался верен клятве, покинули Энуссы и отплыли [на Кирн]» [Там же]. Число жителей Фокеи, согласно нашим вычислениям, равнялось 18 750 чел. Допустим, что большая часть граждан, которая решила вернуться в родной город, составляла

60% от общей численности населения Фокеи, то остальная часть в численном эквиваленте равнялась бы 8 000 чел. Из этого числа только ¼ часть (или немного больше) населения была боеспособной (т.е. около 2 000 чел.), что говорит о том, что в битве при Алалии принимали участие не только греки острова Кирна, но и другие народы. Антиоху было известно, что часть фокейцев после взятия Гарпагом их родного города эмигрировала не только на остров Кирн, но и в Массалию. По сведениям Антиоха, дошедшим до нас благодаря Страбону, во главе с Креонтиадам отплыли сначала на Кирн и в Массалию, «но, потерпев там неудачу, основали Элею» (Strabo. VI, I, 1). О том, что Элея имела отношение к Массалии, было известно и Псевдо-Скимну (Pseud.-Scymn. 248). Любопытно, что Юстин сообщает о том, что фокейцы не раз сталкивались с карфагенянами, а в войне с ними из-за захвата рыбачьих судов «они (фокейцы) даровали им мир» (Iust. XLIII, 5, 2). Здесь речь идет о важном событии. Геродоту было известно совсем немного об этом противостоянии, которое он тоже называет войной, но он изложил в своем рассказе лишь самое крупное событие [6. Р. 161–181; 7. Р. 241–286]. Видимо, уже к I в. до н.э. события тех времен дошли до Трога сильно искаженными самими массалиотами, поэтому он предельно кратко о них рассказывает.

Что касается роли Алалии, то это был небольшой городок, который за 20 лет существования не причинял вреда карфагенской и этрусской торговле. Судя по сообщению Геродота, именно после прибытия фокейцев, бежавших от персов, начались грабежи жителей и разорения окрестностей (Hdt. I, 166). Однако, по подсчетам М. Граса, в 565 г. до н.э. около 4 650 чел. отправились на остров Кирн, чтобы основать город [8. Р. 394–425]. По мнению А. Домингеса Монедеро, это утверждение кажется слишком смелым [9. Р. 239–250]. Алалия фокейского периода не сохранилась до наших дней [10], поэтому какие-либо попытки подсчитать количество населения, проживавшего там, не имея серьезных археологических доказательств этого, – слишком рискованная затея.

При всем этом важно не забывать, что поход персов в Малую Азию и падение Сард прежде всего сказались на Малоазийском регионе. Долго многочисленные племена, находившиеся на территории Лидийского царства и хоры греческих полисов, подчинялись лидийскому царю, которому служили. Лидийцев же они считали родственным народом, так как Лид и Мис были братьями Кара (Hdt. I, 171). В Миласах было святилище, которое принадлежало карийцам, лидийцам и мисийцам, где они поклонялись Зевсу. Но за короткий период войны Лидии с персами весь регион оказался без власти и контроля. То, что было создано Крезом и его отцом, оказалось в руках чужестранцев. Карийцы считали близкими к себе и ионийцев. Они жили на одной территории. По данным античного автора, существовало и смешанное греко-карийское население на

территории Ионии и Карики. В целом отношения между карийцами и ионийцами можно отнести к родственно-партнерским. Как утверждает Геродот, именно ионийцы и карийцы «случайно» доплыли до Египта и Псамметих взял их к себе в качестве наемников (Hdt. II, 152). Самым важным во всем этом является то, что карийцы неоднократно упоминаются и в Западном Средиземноморье. Примечательно и то, что именно в VI в. появляются первые данные о путешествиях карийцев до Западного Средиземноморья. В описании морского путешествия крупнейшего в истории Карфагена флотоводца Ганнона содержится интересная история о колониях, основанных пунийцами: «Уйдя от залива на расстоянии однодневного морского пути, мы основали города на берегу моря, называемые Карийская стена, Гитт, Акра, Мелитта и Арамбис» [11. С. 87]. Это путешествие датируется около VII–VI вв. до н.э. В тексте перипла упоминаются названия колоний, которые имеют непосредственное отношение к карийцам и грекам, как, например, Кариков те τεῖχος. Данные эти восходят к Эфору, который тщательно изучал историю присутствия греков на Западе. Однако относительно поселения «Карийская стена» существует устойчивая точка зрения о семитском происхождении этой колонии [12. Р. 42–43; 13. Р. 394–398]. Еще К. Мюллер предложил идентифицировать название поселения с финикийским словом Kîr chares – «стена солнца» [14. Р. 3–4]. Такого же мнения придерживался и советский историк И.Ш. Шифман [11. С. 87–88; 15. Р. 141–150]. Однако в пользу гипотезы о присутствии карийцев в путешествии Ганнона следует привести фрагмент Павсания I, 23:

«ἔφη δὲ Εὐφῆμος Κάρ ἀνὴρ πλέων ἐς Ἰταλίαν ἀμαρτεῖν ὑπὸ ἀνέμων τοῦ πλοῦ καὶ ἐς τὴν ἕξω θάλασσαν, ἐς ἣν οὐκέτι πλέουσιν, ἐξενεχθῆναι. νήσους δὲ εἶναι μὲν ἔλεγεν ἐρήμους πολλὰς ἐν δὲ αἰαῖς οἰκεῖν ἄνδρας ἀγρίους· ταύταις δὲ οὐκ ἐφέλειν νήσοις προσίσχειν τοὺς ναύτας οἷα πρότερόν τε προσσχόντας καὶ τῶν ἐνοικοῦντων οὐκ ἀπειρώς ἔχοντας, βιασθῆναι δ' οὖν καὶ τότε. ταύτας καλεῖσθαι μὲν ὑπὸ τῶν ναυτῶν Σατυρίδας, εἶναι δὲ τοὺς ἐνοικοῦντας (καὶ) καπυροὺς καὶ ἵππων οὐ πολὺ μείους ἔχειν ἐπιτοῖς ἰσχύις οὐράς».

«И вот Евфем, родом кариец, рассказал мне, что, плывя как-то в Италию, они из-за ветров сбились с пути и были занесены во внешнее море, по которому они никогда не плавали; он говорил, что там много пустынных островов и на них живут дикие люди; матросы вообще не хотели приставать к этим островам, так как они и раньше причаливали и хорошо знали этих жителей, но их заставили приставить и на этот раз. Эти острова называются моряками Сатиридами, и их жители – рыжие и имеют на бедрах хвосты никак не меньше, чем у лошадей» (пер. С.П. Кондратьева).

Этот рассказ напоминает тот, который содержался в перипле Ганнона. По описанию «рыжие существа с хвостами» напоминают тех самых существ, вероятно горилл, на которых натолкнулись карфагеняне. Также

из рассказа следует, что карийцы прекрасно знали дорогу до Сицилии и Внешнего моря, а следовательно, до Марокко и Пиренейского полуострова. Кроме того, Скилак Кариандский, который жил в VI в. до н.э., знал о существовании карфагенской колонии Керна, находившейся от Геракловых столпов в 12 днях плавания. У него были сведения и о Пиренейском полуострове, в частности о Массалии и Эмпорионе, а также об острове Кирн [Scylacis Caryand. 2-4]. Нам известно, благодаря Сосилу [16. S. 29–46] и Геродоту, что немного позже, после подавления ионийского восстания, один из военачальников карийцев Гераклит Миласский (Hdt. V, 121), по всей видимости, бежал в Массалию. Там он во главе флота одолел карфагенян у Артемисия (совр. Мурсия) в 493 г. до н.э. [17. p. 197]. Следовательно, карийцы хорошо ориентировались в Западном Средиземноморье еще с VI в. до н.э. и знали, где находятся наиболее важные фокейские колонии и как добраться до них.

Также из всего этого следует и другое положение. Начиная с первой эмиграции фокейцев, после которой была основана Массалия в 600 г. до н.э., и до захвата Гарпагом в 546 г. до н.э. Фокеи прошло больше полувека. За это время очень быстрыми темпами произошел рост Массалии [18. P. 83–108], в немалой степени за счет активизации экспансионистской политики, которая привела к основанию ряда колоний на юге Франции, Пиренейском полуострове и Корсике. Активизация экспансионистской политики напрямую связана с демографическим ростом. Но в данном слу-

чае это происходило не столько по причине высокой рождаемости в Массалии из-за роста браков между греками и местными жителями, сколько, по всей видимости, из-за непрерывного потока переселенцев из Малой Азии – ионийцев и, наверное, карийцев. Моментом кульминации этого процесса стали взятие Гарпагом родного города фокейцев и их эмиграция в Западное Средиземноморье. Развитию тенденции по переселению способствовали и речи известных правителей-мудрецов VI в. до н.э., в частности Бианта из Приены (Hdt. I, 170), хотя сама идея перебраться на Запад появилась еще у Мантикла в VII в. до н.э. (Paus. 4, 23, 5). Такой немаловажный факт, как перенесение эмпоритами в середине VI в. до н.э. колонии на материковую часть, указывает на то, что эти перемены затронули и Пиренейский полуостров.

Таким образом, второе переселение фокейцев оказалось по своим масштабам очень крупным, а после битвы при Алалии очень сильно пошатнуло позиции греков на Западе. Картина движения фокейцев в числах достаточно сложная, однако подсчеты показывают, что порядка 10 тыс. фокейцев после прихода персов в Малую Азию переселились в Западное Средиземноморье. Из этого числа от 2 до 4 тыс. чел. поселились в Массалии и, скорее всего, совсем небольшая часть – в другие более мелкие фокейские колонии во Франции и Испании. Остальные 8 тыс. чел. поселились в Алалии, но после морского сражения около 5–6 тыс. чел. (вероятно, в своем большинстве дети и старики) отправились в Италию основывать Элею.

ЛИТЕРАТУРА

1. Johannowsky W. Considerazioni sullo sviluppo urbano e la cultura material di Velia // I Focei dall'Anatolia all'Oceano. 1982. P. 225–246.
2. Cook J.M. Old Smyrna, 1948–1951 // The Annual of the British School at Athens. 1958/1959. V. 53/54. P. 1–34.
3. Hansen M.H. The Shotgun Method. The Demography of the Ancient Greek City-State Culture. Columbia : University of Missouri Press, 2006. 140 p.
4. Dominguez Monedero A. Focea y sus colonias: A propósito de un reciente coloquio // Gerión. 1985. Vol. 3. P. 357–377.
5. Roebuck C. The Economic Development of Ionia // Classical Philology. 1953. Vol. 48. No. 1. P. 9–16.
6. Gras M. Marseille, la bataille d'Alalia et Delphes // Dialogues d'histoire ancienne. 1987. Vol. 13. P. 161–181.
7. Jehasse J. La victoire à la Cadméeenne d'Hérodote (I, 166) et Corse dans courants d'expansion grecque // Revue des Études Anciennes. 1962. Vol. 64, № 3–4. P. 241–286.
8. Gras M. Traffics Tyrrhéniens Archaiques. Rome, Ecole Française de Rome, 1985. 774 p.
9. Dominguez Monedero A. El enfrentamiento etrusco-foceo en Alalia y su repercusión en el comercio con la Península Ibérica // La presencia de material etrusco en el ámbito de la colonización arcaica en la Península Ibérica / eds. J. Remesal Rodríguez, O. Musso. Barcelona, Universitat de Barcelona, 1991. P. 239–250.
10. Jehasse J., Jehasse L. La nécropole préromaine d'Aleria (1960–1968). Paris, 1973. 632 p.
11. Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы. М. ; Л. : Наука, 1963. 106 с.
12. Marcy G. Notes linguistiques autour du Periple d'Hannon // Hesperis. 1935. Vol. 20. P. 21–72.
13. Ruiz Cabrero L.A., Mederos Martín A., López Pardo F. Sistemas defensivos en la toponimia fencia de la costa Atlántica Ibérica y Norteafricana // Las ciudades fenicio-púnicas en el Mediterráneo Occidental / eds. J.L. López Castro. Almería, Editorial Universidad de Almería, 2003.
14. Müller C. Geographi Graeci minores. Vol. I. Paris, 1855. 1112 p.
15. Harden D.B. Phoenicians on the West Coast of Africa // Antiquity. 1948. V. 87. P. 141–150.
16. Bilabel F. Die kleineren Historikerfragmente auf Papyrus. Bonn, Markus & Weber, 1922. 63 p.
17. Bosch Gimpera P. El poblamiento antiguo y la formación de los pueblos de España. México, UNAM, 1995. 427 p.
18. Tréziny H. Topography and Town-Planning in Ancient Marseilles // From the Pillars of Hercules to the Footsteps of the Argonauts // eds. A. Hermary, Gocha R. Tseskhladze. Leuven-Paris-Walpole, Peeters, 2012. P. 83–108.

Kamari Daniel M. Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: kamari_daniel@mail.ru

THE EMIGRATION OF PHOCAEANS TO THE WEST.

Keywords: Phocians; Massalia; Alalia; Western Mediterranean; Carians.

The article discusses the problem of the “second exile” of Phocaeans to the Western Mediterranean (Corsica, France and Spain), after the capture by Persian commander Harpagos their hometown in 546 BC. Special attention is paid to demographic and ethnic aspects because they give a complete picture of the problem, which was often considered superficial due to the lack of archaeological evidences and poor studied ancient written sources. Great interest in the subject of population count showed Cook in the 1950s. In his study he

tried to calculate the number of the citizens of Phocaea in the times of the battle of Lade in 494 BC. A few years later came the work of W. Johannowsky, where he estimated the number of population of Alalia in the period of Phocaeans possession of the city. Later the demographic aspect of the emigration of Phocaeans to the Western Mediterranean was raised by such well-known European archeologists as J.-P. Morel, M. Gras, A. Dominguez Monedero and others. The author of the article believes that, based on the data of Herodotus and modern methods of calculation of the quantity of population, one can get information on the approximate number of people who moved to Alalia and Massalia, and also find out what the nations with the Phocaeans emigrated to the Western Mediterranean, and how many people moved to Italy, after the naval Battle of Alalia. Herodotus gave us unique information about the number of Phocaeans and united Etruscan-Carthaginian ships at the Battle of Alalia – “each with 60 ships”. In that case the number of Phocaeans before the battle could be (if we assume that each galley could accommodate about 50-55 people) from 3,000 to 3,300 people and the total number of Greeks living in Alalia would be equal to 12,000 people. But this last estimation does not correspond to the reality, because in the Battle of Alalia also took part the massaliotes. Phocaea was not a big polis. There were about 19,000-20,000 inhabitants in the city (intramural space) and in the surrounding area (extramural space). According to Herodotus, after the emigration “more than half of the citizens were seized with yearning and regret for their city and for their native land, and they proved false to their oath and sailed back to Phocaea”. We assume that most of the people who decided to return to their native city were 60% of the total population of Phocaea, the rest 40% would be equal to 8,000 or slightly more in numerical terms. Of this number only ¼ of the population was combat-ready, i.e. about 2,000 people. In conclusion, we can say that the information of Herodotus, in particular the fragment I 164-166, can assist in obtaining information about the number of Phocaeans, who immigrated to Western Mediterranean. Thanks to him we can determine the number of Phocaeans who participated in the Battle of Alalia, as well as how many people immigrated to Italy, after the so-called Cadmean victory in 540 BC.

REFERENCES

1. Johannowsky, W. (1982) Considerazioni sullo sviluppo urbano e la cultura material di Velia [Considerations on urban development and the material culture of Velia]. In: *I Focei dall'Anatolia all'Oceano* [The Focei Anatolia Ocean]. Napoli: G. Macchiaroli. pp. 225–246.
2. Cook, J.M. (1958/1959) Old Smyrna, 1948–1951. *The Annual of the British School at Athens*. 53/54. pp. 1–34.
3. Hansen, M.H. (2006) *The Shotgun Method. The Demography of the Ancient Greek City-State Culture*. Columbia: University of Missouri Press.
4. Dominguez Monedero, A. (1985) Focea y sus colonias: A propósito de un reciente coloquio [Focea and its colonies: On the subject of a recent colloquium]. *Gerión*. 3. pp. 357–377.
5. Roebuck, C. (1953) The Economic Development of Ionia. *Classical Philology*. 48(1). pp. 9–16. DOI: 10.1086/363572
6. Gras, M. (1987) Marseille, la bataille d'Alalia et Delphes [Marseille, the battle of Alalia and Delphes]. *Dialogues d'histoire ancienne*. 13. pp. 161–181. DOI: 10.3406/dha.1987.1755
7. Jehasse, J. (1962) La victoire à la Cadméeenne d'Hérodote (I, 166) et Corse dans courants d'expansion grecque. *Revue des Études Anciennes*. 64(3-4). pp. 241–286. (In French). DOI: 10.3406/rea.1962.3676
8. Gras, M. (1985) *Traffics Tyrrhéniens Archaiques*. Rome: Ecole Française de Rome.
9. Dominguez Monedero, A. (1991) El enfrentamiento etrusco-foceo en Alalia y su repercusión en el comercio con la Península Ibérica [The Etruscan-Focean confrontation in Alalia and its repercussion in trade with the Iberian Peninsula]. In: Remesal Rodríguez, J. & Musso, O. (eds) *La presencia de material etrusco en el ámbito de la colonización arcaica en la Península Ibérica* [The presence of Etruscan material in the area of archaic colonisation in the Iberian Peninsula]. Barcelona: Universitat de Barcelona. pp. 239–250.
10. Jehasse, J. & Jehasse, L. (1973) *La nécropole préromaine d'Aleria (1960–1968)* [The pre-Roman necropolis of Aleria (1960–1968)]. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.
11. Shifman, I.Sh. (1963) *Vozniknovenie Karfagenskoy derzhavy* [The emergence of Carthage]. Moscow; Leningrad: Nauka.
12. Marcy, G. (1935) Notes linguistiques autour du Periple d'Hannon [Linguistic notes about the Periple d'Hannon]. *Hesperis*. 20. pp. 21–72.
13. Ruiz Cabrero, L.A., Mederos Martín, A. & López Pardo, F. (2003) Sistemas defensivos en la toponimia fencia de la costa Atlántica Ibérica y Norteafriana [Defensive systems in the toponymy of the Atlantic coast of Iberia and North Africa]. In: López Castro, J.L. (ed.) *Las ciudades fenicio-púnicas en el Mediterráneo Occidental* [Phoenician-Punic cities in the Western Mediterranean]. Almería: Editorial Universidad de Almería.
14. Müller, C. (1855) *Geographi Graeci minores*. Vol. I. Paris.
15. Harden, D.B. (1948) Phoenicians on the West Coast of Africa. *Antiquity*. 87. pp. 141–150. DOI: 10.1017/S0003598X00019670
16. Bilabel, F. (1922) *Die kleineren Historikerfragmente auf Papyrus* [The smaller historian fragments on papyrus]. Bonn: Markus & Weber.
17. Bosch Gimpera, P. (1995) *El poblamiento antiguo y la formación de los pueblos de España* [The ancient settlement and the formation of the peoples of Spain]. México: UNAM.
18. Tréziny, H. (2012) Topography and Town-Planning in Ancient Marseilles. In: Hermay, A. & Tseskhladze, G.R. (eds) *From the Pillars of Hercules to the Footsteps of the Argonauts*. Leuven-Paris-Walpole: Peeters. pp. 83–108.